

1.08.91

ХИТ И МИФ

Фильм «В постели с Мадонной» претендует на показ «голой» правды для того, чтобы разрушить или укрепить миф?

На излете XVII Московского международного кинофестиваля на столичных экранах промелькнул нашумевший фильм, который долго ждали. Но, как мы уже писали («ЭС»,

№ 30), особого шума не произвел. Зачем он был снят? Предлагаем вашему вниманию статью, опубликованную в газете «Индепендент».

Мадонна всегда готова явить себя в расцвете карьеры. Но самый поразительный эпизод ее документального фильма «В постели с Мадонной», премьера которого состоялась в этом году в Канне, вызвав ажиотаж у зрителей и поток прохладных рецензий, призван показать скорее ранимую душу певицы, чем ее любвеобильное тело. Камера бесстыдно «подсматривает» за опечаленным лицом Мадонны во время ее первого за много лет посещения могилы матери. За кадром голос Мадонны, осипший то ли от многодневных шоу на гигантских площадках, то ли от дочерних чувств, интимно сообщает: «Моя мама умерла, когда я была совсем юной, единственное, что я отлично помню, она была очень чистой и очень религиозной... Я так и не знаю, любила ли она меня на самом деле. Но мне кажется, я все время жду ее одобрения, ведь от своего прошлого не убежишь...»

Мягкосердечный зритель мог бы умилиться, циничный может отнестись к этому эпизоду как к самой безвкусной из всех неприличных сцен, в которых торжествует бульварщина. Но и те, и другие, будучи знакомы с клипами Мадонны, испытают сильное чувство.

Поклонники звезды уже видели этот печальный визит в клипе «Ты не причинишь мне боли», в котором драматизировались ее детская утрата и чувство обиды на отца.

Напоминаю об этом не для того, чтобы предположить, будто певица не тронута на самом деле паломничеством на могилу матери, или нет и толики правды в ее утверждении, что смерть матери ее потрясла. Желание Мадонны снова разыграть эту сцену из ее поп-клипа в фильме Алека Кешишиана говорит о том, что она больше печется о своей личной легендарности, чем фильм со всей его нарочитой искренностью позволяет предположить.

«Говорят, это безумие, позволять камере фиксировать все,— говорит Мадонна за кадром.— Говорят, я разрушаю собственный миф. Я думаю, срабатывает негласное правило, утверждающее, что звезда обязана хранить некую тай-

ну... а мне на это плевать. Правила для того и созданы, чтобы их нарушать».

Развалившись в кресле, пока его «созвезда» и предмет нежной страсти готовит чай, Уоррен Битти говорит: «Это идиотизм. Что можно сказать, когда фильм уже делается, о безумии представить все это перед камерой?»

«Безумие» не в том, что фильм содержит некие секреты личной жизни звезды, знакомые, впрочем, любому ее поклоннику. Гораздо важнее (и Битти, ловкий устроитель дебютов, отлично про это знает) умение Мадонны упиваться откровениями, способными обескуражить людей менее романтических профессий.

В картине о Мадонне вполне можно было бы показать певицу, играющую с детенышем котика, или охоту с гарпуном на кита, или дурачества в постели с Саддамом Хуссейном. Мадонна знает цену скандала ради успеха. Запрет на ее полупорнографический клип «Оправдай мою любовь» принес ему невиданную славу. Разве это подрывает ее миф? Даже если бы фильм «В постели с Мадонной» был нацелен на ее публичное развенчание, он бы только способствовал процветанию ее мифа.

Легко уяснить, почему Мадонна так настойчиво стремилась снять фильм типа «В постели с Мадонной», почему она вложила несколько собственных миллионов в проект, почему она открыто заявляла и многократно повторяла о своем намерении снять фильм «о Мадонне, какая она есть».

Несмотря на все уловки и капризы формы, фильм действительно представляет звезду с разных точек зрения: с сочными губами, скверным характером, подверженную влиянию погоды и времени. Даже если критики сочтут «В постели с Мадонной» убогой штучкой — зато ее собственной.

Величайшая странность звездной судьбы Мадонны заключается в том, что, пока она во множестве выпускает свои остроумные (и популярнейшие в последнее десятилетие) клипы, ее кинокарьера остается скромной и унылой. Так что душевная ранимость звезды, предьявленная нам в фильме, хитро и тонко рассчитана: даже если не удастся сделать приличный художественный фильм, по крайней мере в кино останется портрет художника, красивое цветочное пятно.

Ролан Барт однажды отметил, что лицо Гарбо было мыслью... Но Гарбо работала «на сцене киноистории», когда образы женственных звезд были в руках продюсеров, режиссеров, агентов и многих других. Если применить выражение Барта к Мадонне, то легко заметить, что положение Мадонны как звезды — результат ее самостоятельной работы. Умение Мадонны видеоизменять и лепить свой образ гораздо больше, чем у Гарбо. Если тело Мадонны — это мысль, то это мысль, которая занимает ее все больше и больше.

Самые откровенные слова звучат в финале фильма: «Люди думают, что быть звездой — значит быть чем-то легендарным, всегда в ярком световом пятне, всегда готовой позировать, всегда готовой к обожанию и поклонению, быть богатой, богатой, богатой, всем этим обладать... А знаете что? Они абсолютно правы».

Кевин ДЖЕКСОН.

Мадонна